

Победы и поражения

С доктором Мариной Павловской, профессором Тель-Авивского университета и заведующей лабораторией реабилитационного центра "Левинштейн", я познакомился в... прямом эфире. Волею судьбы мы оказались за одним столиком во время заключительного шоу "Золотой девятки": Марина ожидала оглашения решения жюри о том, кто из пяти "русских" израильтян станет победителем в номинации "Ученый года" по результатам сравнения зрительских симпатий в этом почти трехмесячном марафоне. А я, соответственно профессии, был в той тусовке наблюдателем

Рувим Линденбойм

На пике телепередачи прозвучало имя победителя - профессора Вадима Фрайфельда, заведующего лабораторией медицинского факультета Безр-Шевского университета. Однако соседка моя вовсе не выглядела огорченной. Посему я решился спросить:

- Неужели вы не мечтали стать победительницей?
- Почему же? Мечтала. Однако тридцатилетняя жизнь в науке научила меня отличать иные поражения от победы. Ведь почти любой научный коллектив в какой-то мере... серпентарий. Конкуренция, борьба за приоритет существовали всегда - чуть ли не яростнее, чем в искусстве. Кстати, у израильтян это выражено не меньше, нежели в иных научных сообществах. И я с этим, безусловно, сталкивалась. Но в Израиле мне повезло несказанно. Так случилось, что именно в моей области - и это наверняка Божий промысел - мне повстречались в основном глубоко порядочные люди".

Секреты зрительного восприятия

Прошло чуть более месяца, и я, воспользовавшись приглашением Марины, прибыл в Раанану. На сей раз обстановка не располагала к светской беседе и, процитировав оставшиеся в блокноте слова Марины "Божий промысел", я попросил ее рассказать о профессии и пути в науке.

- Мне посчастливилось заниматься одним из самых интереснейших разделов нейробиологии - изучать мозг человека, который, без сомнения, является высшим достижением эволюции. "Мой" раздел - изучение механизма ответственности за так называемое зрительное восприятие. Я начала эти исследования еще в Ленинграде, после того, как закончила биологический факультет Ленинградского университета, а затем в Институте им. Павлова, в знаменитых Колтушах, где проработала 20 лет под руководством профессора Вадима Давидовича Глейзера. К слову, в последние годы нам удалось наладить сотрудничество с лабораторией Глейзера, мои коллеги не раз бывали в Израиле, да и я не реже чем раз в два года бываю в родном городе, встречаюсь с бывшими сотрудниками и друзьями...

Когда в 1990 году наша семья репатрировалась, я продолжила свои исследования в Еврейском (в Иерусалиме) и Тель-Авивском университетах, сосредоточившись на изучении механизма зрительного восприятия (внимания). Известно, что в мозг ежесекундно поступает колоссальное количество разнообразной информации. И именно зритель-

ное внимание позволяет нам отсеять ненужное и выделить только самое главное. Когда мозговые функции сохранены, мы даже не замечаем, как нам удается видеть, воспринимать мир в его большом многообразии, красках, движении, красоте. И к каким же драматическим последствиям приводит поражение мозга в области зрения, языка или памяти. Изучение таких нарушений в больном мозге дает нам неоценимую, редкую возможность понять, как работают механизмы зрительного внимания в здоровом мозге. Поэтому я была очень рада, когда в 1992-м получила большой грант министерства науки и мне представилась редкая возможность начать работу в раананском реабилитационном центре "Левинштейн", где находятся больные с поражениями головного мозга.

Одна группа пациентов, с которыми я работаю, - это больные, перенесшие инсульт в правом полушарии, который вызывает так называемый синдром neglect - когда человек как бы теряет левую, противоположную стороне поражения половину пространства. Такие люди не глухи, не слепы и не лишены чувствительности на левой стороне тела. Однако они могут, скажем, брить только правую часть лица или одевать только правую часть тела, при чтении пропускают слова и буквы с левой стороны, едят только с правой стороны тарелки. Многолетние исследования, в том числе и наши, показали, что neglect - это дефицит зрительного внимания, и мы знаем теперь, какие отделы мозга ответственны за этот очень важный механизм. Наша конечная цель - разработать реабилитационные методики, которые могли бы помочь таким больным быстрее восстановиться.

Хотелось бы подчеркнуть, что все мои успехи в Израиле были бы невозможны без замечательных коллег - проф. Шауля Хохштейна из Еврейского университета, уже, к сожалению, покойного проф. Баруха Блюма (да будет благословенна его память!) из Тель-Авивского университета, проф. Дова Саги и доктора Йорама Бонне из Института им. Вайцмана, проф. Зеэва Гроссвассера и доктора Нахума Сорокера из госпиталя "Левинштейн".

Секреты научной карьеры

Путь ученого репатрианта на Земле обетованной. Почти всегда это сюжет, полный случайностей и драматизма.

- Я согласна с вами. Каждое знакомство, каждая привязанность - отдельная повесть. Первый израильтянин, с которым меня свела судьба, - профессор Шауль Хохштейн. Если интересно, позволю себе начать издали... В конце 1980-х годов,

Д-р Марина Павловская

когда началась "перестройка", я участвовала в демократическом движении, была членом организационного совета "Народного фронта", и параллельно работала в лаборатории проф. Глезера. Исследования Глезера и его сотрудников были известны зарубежным коллегам, но за границу нас, конечно же, не выпускали. И вот в 1988 году я впервые смогла добиться выезда целой группы нейробиологов из Ленинграда, Москвы и Прибалтики на ежегодную Европейскую конференцию по зрительному восприятию, которая проходила в английском городе Бристоле. Там, в Бристоле, я и познакомилась с профессором Шаулем Хохштейном, заведующим крупной лабораторией нейробиологии в Еврейском университете.

Этого человека я просто боготворю. Почему, вы поймете, если узнаете историю его семьи, достойную романа. Вкратце: Шауль родом из США, выпускник Нью-Йоркского университета, в котором получил степень бакалавра по физике, а в дальнейшем степень магистра по нейробиологии. Он первым из большой еврейской семьи репатрировался в Израиль, за ним последовали остальные. Его семья достаточно богата и активно занималась благотворительностью. Хохштейны финансировали исследования по лечению детей с церебральным параличом, помогли одной из иерусалимских иешив, в их дом мог прийти любой человек - и получить помощь.

Однако продолжу. Там же, в Бристоле, состоялось мое знакомство с профессором Барухом Блюмом из Тель-Авивского университета. Барух из семьи халуцим, первых сионистов. Так получилось, что именно Блюм был организатором следующей конференции в 1989 году в Зихрон-Яакове. Снова нам пришлось "пробивать" стену советской академической бюрократии, правда, стена уже была гнилая... По израильской традиции нам, зарубежным участникам конференции, показали страну. Я была потрясена! Однако даже после этого визита все еще не созрела для решения о репатриации. Просто хотела приехать поработать в лабораторию Шауля Хохштейна. Деятельность этой лаборатории, которая носит название Национального института психобиологии, финансируется семьей Шмис - американских миллионеров. В институте существует лаборатория для совместных исследований - на основе грантов для зарубежных ученых, туда я и была приглашена поработать на год. Однако одно дело - "сражение" с бюрократами от

Академии, которые тогда дали слабину, а другое - жизнь в обстановке оголтелого антисемитизма, который расцвел махровым цветом в начале 90-х в городе, считавшемся колыбелью революции. Тогдашние антиеврейские акции памятны многим репатриантам из Питера. Дело дошло до того, что Марина несколько ночей даже не ночевала дома, забирала дочку и уходила к друзьям. Словом, сама атмосфера повлияла на решение репатрироваться. Павловская написала об этом профессору Хохштейну. Тот очень обрадовался, и по приезду Марина сразу же получила работу в Еврейском университете.

Они уезжали целой компанией: Володя Яковлев и Александр Куперман из ее лаборатории, талантливый математик Илья Вол, который участвовал в исследованиях, проводимых в Колтушах. Словом, команда, также требовавшая трудоустройства. Это прекрасно понимали и израильские коллеги. Профессор Дов Саги, поддерживаемый Хохштейном и Блюмом, подсказал весьма сложный, но кратчайший путь. Не без их помощи недавние ленинградцы подготовили новый медицинский проект, под который министерство науки назначило солидный трехлетний грант. Этот грант позволил им перейти на работу в Тель-Авивский университет, в лабораторию проф. Баруха Блюма. В дальнейшем те же профессора уговорили Марину пойти работать в госпиталь "Левинштейн": идея состояла в том, чтобы опробовать ряд теоретических разработок на практике - на пациентах с поражениями мозга.

Исцеление возможно

- Помнится, вы в самом начале нашего знакомства строго-настрого запретили мне называть вас врачом, - заметил я.

- Запрет не снят. И в Колтушах, и в Иерусалиме, и в Тель-Авиве мы занимались чисто теоретическими проблемами. Напомню: моя область - так называемая зрительная психофизика. То есть изучение деятельности мозга. Правда, не с помощью каких-то электродов, без вмешательства в мозг, а на компьютерах. По сути, это предъявление человеку зрительных сцен и получение его реакции на них. Если говорить образно, то это можно сравнить с "черным ящиком": вы знаете, что "на входе", в конце опыта знаете ответ, то есть то, что "на выходе", но не ведаете, что внутри. Мы изучаем то, как человеческий мозг воспринимает зрительный мир, как он оценивает его. И мы достраиваем этот неведомый мир. Стоит ли говорить, что это одна из интереснейших областей науки?

- Однако "Левинштейн" - реабилитационный центр, действующий весьма интенсивно.

- Это верно. Есть у нас еще одна линия исследований - больные с травмами головного мозга после дорожных и других аварий, солдаты Армии обороны Израиля после ранений. Известно, что такие больные тоже страдают из-за дефицита зрительного внимания. Нам, в частности, удалось проверить на практике, что риталин - хорошо известное средство, широко применяющееся на гиперактивных детях, приводит к значительному улучшению концентрации зрительного внимания у подобных больных. Самое главное для меня в этой работе - контакт с больными, осознание того, что мы сумели им помочь.

Остается сказать, что в конце минувшего года д-р Марина Павловская была удостоена престижной израильской премии "За выдающиеся достижения в области реабилитации".